

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Курсовая работа по теме:
«Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве»

Выполнил студент 321 группы:
Магомедов Вадим Мирзаферович

Научный руководитель:
Доктор юридических наук, профессор
Шиткина Ирина Сергеевна

Дата представления курсовой работы в учебный отдел:

«__»_____ 2023_ г.

Дата сдачи научному руководителю: «__»_____ 2023_ г.

Дата защиты курсовой работы: «__»_____ 2023_ г.

Оценка: _____

Москва 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Правовая природа фактического контроля.....	5
§1. Понятие и сущность фактического контроля.....	5
§2. Контролирующее лицо в банкротстве и в корпоративном праве: синергия или диссонанс?.....	9
Глава 2. Гражданско-правовая ответственность контролирующих лиц.....	13
§1. Правовая природа ответственности за фактический контроль.....	13
§2. Основания привлечения к гражданско-правовой ответственности.....	17
§3. Доктрина снятия корпоративной вуали и привлечение к ответственности фактических контролирующих корпорацию лиц.....	22
Заключение.....	27
Библиография.....	29

Введение

Вопрос фактического контроля является одним из важных в корпоративном праве, а привлечение к ответственности – отступлением от принципа самостоятельной ответственности юридического лица. Актуальность этой темы обуславливается сравнительно недавним введением подобного механизма в гражданское законодательство и ее применением в корпоративных спорах. До сих пор нет четких границ и критериев в судебной практике относительно того, каких лиц можно считать фактически контролирующими в рамках корпоративного спора.

В фактическом контроле нет ничего предосудительного, однако правопорядок не может оставаться в стороне в случаях, когда такую форму корпоративного управления используют в корыстных целях или с целью обхода закона. Поэтому вырабатываются механизмы для установления подобной связи между юридическим лицом и конечным бенефициаром.

Цель работы заключается в углубленном изучении и анализе практического и теоретического аспектах правового регулирования фактического контроля, о ее роли для деятельности юридического лица в целом. Для реализации этой цели необходимо решить ряд задач, а именно:

- 1) Определить сущность фактического контроля и дать определение этому явлению;
- 2) Провести сравнительный анализ двух систем законодательства (банкротного и корпоративного) и сделать вывод об обоснованности или необоснованности применения критериев фактического контроля, выработанных судебной практикой и законодательством для банкротных споров, для целей корпоративного права;
- 3) Разобраться в правовой природе ответственности фактически контролирующих лиц;

- 4) Проанализировать существующие основания и критерии, призванные признать лицо имеющим фактическую возможность определять действия юридического лица;
- 5) Также задачей является анализ двух сходных между собой явлений: доктрина «снятия корпоративных покровов» и привлечение к ответственности фактически контролирующих лиц.

Предмет исследования: нормы российского гражданского, корпоративного и банкротного законодательства, судебная практика по заданной теме, документы органов исполнительной власти.

Объект исследования: правовые отношения, возникающие в связи с установлением фактического контроля и привлечением к ответственности лиц, причинивших убытки организации, если в отношении них установлено наличие фактического контроля.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы: исторический, логический, системно-структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Глава 1. Правовая природа фактического контроля

§1. Понятие и сущность фактического контроля

Принцип самостоятельности юридического лица считается классическим, согласно этому принципу организация сама несет ответственность по своим долгам. В этом смысле признак самостоятельной ответственности предоставляет некоторую защиту («корпоративный щит»¹) участникам, ограничивая их имущественную ответственность.

В абсолют этот признак был возведен в конце XIX в. и наиболее показательным примером является дело *Salomon v. A. Salomon and Co. Ltd*². Однако подобного рода практика высшей судебной инстанции не получила широкого распространения. В адрес палаты лордов начала сыпаться критика, и она была достаточно обоснованной, так как своим решением дала широкий простор для мошеннических схем. В итоге в исключительных случаях суды стали отходить от принципа самостоятельной ответственности корпорации и начали возлагать ее на лиц, контролирующих организацию.

В российском правопорядке при создании нового законодательства было четкое осознание отсутствия необходимости абсолютизации принципа самостоятельной ответственности юридического лица. Однако в определенный момент начала вырисовываться проблема: существовала самостоятельная ответственность корпорации, но в то же время существовали отдельные законодательные положения, устанавливающие исключения из него. Была потребность в упорядочении системы законодательства по этому вопросу³.

Решению этой проблемы были посвящены некоторые положения Концепции развития гражданского законодательства. В целом логика этих положений сводится к следующему: сохранение самостоятельности

---

¹ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014 // СПС «КонсультантПлюс»

² *Salomon v. A. Salomon and Co Ltd* [1897] AC 22

³ Ломакин Д.В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. N 1. С. 93 - 110.

корпорации в качестве общего правила, но возможны исключения из этого правила. К исключениям, в частности относились случаи, когда устанавливалась зависимость юридического лица от воли другого субъекта. Однако многие положения касательно контролирующих лиц так и не были включены в гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), сказанное не означает, что нет и самих контролирующих лиц: «Отказ законодателя от систематизации исключений из правила об ограниченной ответственности юридического лица на основе конструкции контролирующего лица не привел к исчезновению субъектов, осуществляющих контрольные функции в отношении организаций»⁴.

В этой связи нам необходимо разграничивать два вида контроля: юридический и фактический. Для признания юридического лица достаточно посмотреть на формальные основания, указанные в законе. В случае, если лицо подпадает под эти основания, ему необходимо доказать обратное и опровергнуть презумпцию, в соответствии с которой он рассматривается как контролирующее лицо. Для признания же лица фактически контролирующим вовсе не нужны формально-юридические основания. Появившаяся в 2014 (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ) норма говорит именно о фактической возможности влиять на волю другого субъекта. Закон не устанавливает конкретного перечня обстоятельств, свидетельствующих о наличии такого рода контроля. Это представляется вполне обоснованным, в противном случае из фактического он бы превратился в юридический.

В самом общем виде фактический контроль можно рассматривать как «разновидность экономического контроля, особенностью которого являются отсутствие определенных законом (формализованных) оснований установления подавляющего влияния одного лица над другим»⁵. Сущность его сводится в наличии реальной фактической власти одного субъекта над другим,

---

⁴ Ломакин Д.В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. N 1. С. 93 - 110.

⁵ Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2.

в исключении или вовсе уничтожении фактическим контролирующим лицом воли субъекта, над которым осуществляется контроль.

Стоит отметить, что конечный бенефициар, как правило, старается скрывать свой статус контролирующего лица. Он не заинтересован в раскрытии своего положения и наоборот старается завуалировать имеющиеся у него формы воздействия на подконтрольное лицо. Это отметила и высшая судебная инстанция, в котором указала, что подобный статус устанавливается через выявление таких согласованных действий между конечным выгодоприобретателем и подконтрольным лицом, которые не имели бы места при иной структурированности отношений⁶.

Причины, по которым скрывается контроль, могут быть самыми разными: запрет на совмещение государственной должности и осуществлении предпринимательской деятельности; желание реального владельца и конечного бенефициара избежать ответственности по обязательствам подконтрольного юридического лица⁷; конфликт интересов и др.

Рассматривая сущность контроля, важно обратить внимание на существующие точки зрения в понимании контроля. Различия в доктринальных подходах, наблюдаются для стран континентальной Европы и англосаксонской модели (США, Великобритания). В континентальной модели речь больше идет о надзорных функциях, осуществляемых по отношению к субъектам корпоративного управления. В англо-американском подходе контроль рассматривается как существенный элемент самого процесса управления⁸. Есть точка зрения, в соответствии с которой второй подход для понимания сущности контроля получает все большее распространение и признание в Европе⁹. Это распространяется и на нашу страну. В таком понимании контроль является предусмотренной законом или возникшей в

---

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2020 N 305-ЭС19-24480 по делу N А41-22526/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 21.11.2016 N 309-ЭС15-16869(4) по делу N А60-34628/2013 // СПС «КонсультантПлюс»

⁸ Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. – М.: Спарк, 1997. С. 136-137

⁹ Хопт К. Европейская система корпоративного управления после дела Энрон // Корпоративный юрист. 2005. № 1.

силу определенных фактических обстоятельств возможностью определять действия юридического лица.

Институт фактического контроля хоть и является новеллой в корпоративном праве, однако в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее - Закон о банкротстве) уже существовала практика привлечения фактически контролирующих лиц к ответственности за долги общества (ст. 61.10 Закона о банкротстве). И зачастую нормы корпоративного и банкротного законодательства смешиваются. Является ли такое смешение оправданным и обоснованным? Постараемся ответить на этот вопрос в следующем параграфе.

§2. Контролирующее лицо в банкротстве и в корпоративном праве: синергия или диссонанс?

Как уже было сказано ранее, регламентация ответственности фактически контролирующих лиц появилась как в корпоративном, так и в банкротном законодательствах.

В банкротном законодательстве соответствующие положения были закреплены гораздо раньше (в ст. 10 Закона о банкротстве и затем уже отдельно в главе 3). Более того, практика уже разрешала подобные ситуации в рамках банкротных споров. Впервые привлечение к субсидиарной ответственности фактически контролирующего лица произошло в 2014 г.¹⁰ В рамках этого дела к субсидиарной ответственности был привлечен Максимов Н.В., который являлся лицом, определявшим действия органов управления должника через лиц, находящихся в зависимости от него. Это классический пример фактического контроля, когда конечный бенефициар, не являясь формально контролирующим лицом, осуществляет фактическое руководство через цепочку аффилированных и зависимых лиц, то есть является фактически контролирующим должника лицом, «проводящего свою волю через иных подконтрольных фактическому руководителю физических и юридических лиц, которые в действительности не выступали в качестве самостоятельных субъектов гражданских отношений»¹¹.

В законодательстве о банкротстве уже сложились подходы к определению признаков фактического контроля, более того, часть из них закреплена нормативно. Так, в п. 2 ст. 61.10 выделены такие критерии, как нахождение с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения; иным образом, в т.ч. путем принуждения на руководителя либо оказания

---

¹⁰ Буракова К.В. Синергия и диссонанс института контролирующего лица в законодательстве о банкротстве и института фактически контролирующего лица в корпоративном праве // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2020. № 2. С. 19 - 26

¹¹ Определение ВАС РФ от 29.04.2013 N ВАС-11134/12 по делу N А60-1260/2009 // СПС «КонсультантПлюс»

определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом. Как можно заметить, подобные критерии вполне подходят для установления фактического контроля и важно отметить, что этот перечень открытый и суды должны в каждом конкретном деле исходить из конкретных фактических обстоятельств. Таким образом, в этой сфере законодательства уже дано нормативное определение признаков фактического контроля и судебная практика имеет довольно широкий опыт в привлечении подобных лиц к ответственности. В корпоративном праве этот институт сравнительно появился позднее, судебная практика не выработала устойчивую позицию по вопросу, кто именно является фактически контролирующим лицом. Возникает желание отождествить регламентацию этих положений в двух сферах законодательного регулирования, но стоит ли оно того?

Складывается ощущение, что подобный подход взял за основу и Верховный Суд РФ. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 не осуществляется разграничение признаков фактического контроля в банкротстве и в корпоративном праве. Например, в п. 3 этого Постановления указывается, что контролирующим является лицо, у которого есть фактическая возможность давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия и далее ссылка на п. 3 ст. 53.1 ГК РФ и п.1 ст. 61.10 Закона о банкротстве. Несмотря на то, что постановление и конкретно этот пункт касаются банкротства, Верховный Суд делает ссылку на норму ГК РФ, которая релевантна для корпоративных отношений. Кроме того, п. 4 Постановления указывает период осуществления контроля в виде трех лет, за которое лицо несет ответственность по законодательству о несостоятельности. Но «указанные положения законодательства не исключают возможность привлечения контролирующего лица к иной ответственности за действия, совершенные за пределами трехлетнего периода» и в качестве примера приводится ст. 53.1 ГК РФ. Таким образом, можно прийти к выводу, что высший суд отождествляет критерии

для двух сфер законодательства. Подобную практику подхватили и некоторые нижестоящие суды¹².

Тем не менее, не стоит «бездумно» заимствовать признаки фактического контроля в корпоративные отношения. Подобной точки зрения придерживается профессор Шиткина И.С.¹³ Так, она указывает на то, что прямого переноса быть должно в силу того, что в банкротных делах основания контроля могут быть шире и ответственность строже, ведь целью законодательства о банкротстве помимо защиты частных интересов является защита и поддержание публично-правовых интересов (например, уплата налогов, обеспечение занятости населения), в отличие от корпоративных споров, где единственным и основным интересом является частный. Кроме того, в банкротном процессе возможно использовать сравнительно более низкий стандарт доказывания для признания фактического контроля. Если же дело рассматривается в рамках иного процесса, то нужно учитывать исключительно внутренний характер таких споров и соответственно стандарт доказывания должен быть более жестким.

Важно понимать, что иск о взыскании убытков в пользу юридического лица по ст. 53.1 ГК РФ предъявляют лица, которые знают порядок принятия решений организацией и поэтому способны определить конкретные факты, свидетельствующие о наличии фактического контроля (участники, члены органа управления и др.), однако в рамках банкротства подобный иск подается иногда лицом, вовсе не знакомым с корпоративной структурой конкретной организации и не имеющих данных об особенностях взаимоотношений (работники должника, уполномоченные органы, конкурсные кредиторы). Именно поэтому стандарт доказывания должен быть более смягченным.

---

¹² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.04.2019 № Ф04-371/2019 по делу № А46-9620/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

¹³ Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114 - 133

Необходимость разграничения этих сфер законодательства осознается и судебной практикой¹⁴. Например, Судебная коллегия Верховного суда подчеркивает, что стандарт доказывания по искам (ст. 53.1. ГК РФ) о взыскании убытков с фактически контролирующих лиц отличается от соответствующего стандарта по банкротным спорам. Верховный суд в качестве стандарта доказывания по корпоративным спорам берет формулировку «ясные и убедительные», а по банкротным «баланс вероятностей». Исходя из критерия ясности и убедительности доказательств можно прийти к выводу, что доказательства должны быть прямые, точно и недвусмысленно дающие понять, что именно это лицо является фактически контролирующим. «Баланс вероятностей» же подчеркивает, что в конечном счете это лицо может и не быть истинным фактически контролирующим должника лицом и здесь необходимо на чашу весов ставить сразу несколько интересов и в случае, если условный «подозреваемый» не сможет предоставить доказательства, опровергающие презумпцию, то ему придется нести соответствующую ответственность. Таким образом, стандарт доказывания в корпоративных спорах более жесткий.

Исходя из вышеизложенного можно прийти к выводу, что учитывая большую разработанность и более обширную судебную практику банкротного законодательства по этому вопросу, можно заимствовать более совершенные разработки в корпоративную сферу (о чем косвенно нам намекнул Пленум ВС РФ), однако стоит учитывать определенные особенности, присущие каждой системе законодательства и в этой связи стоит перенимать подобные практики ограничительно (о чем подчеркивает Судебная коллегия ВС РФ)

---

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 N 305-ЭС16-18600(5-8) по делу N А40-51687/2012 // СПС «КонсультантПлюс»

Глава 2. Гражданско-правовая ответственность контролирующих лиц

§1. Правовая природа ответственности за фактический контроль

Рассматривая природу ответственности контролирующих лиц необходимо обозначить существующую дискуссию относительно сущности этого явления. И здесь важным представляется деление этой дискуссии на два вида: природа ответственности контролирующих лиц (в данном случае подразумевается юридический контроль) и природа ответственности фактически контролирующих лиц.

В рамках первого вида имеются разные точки зрения в российской доктрине, причем некоторые из них имеют сильную догматическую и нормативную аргументацию. Наиболее распространенной точкой зрения является позиция, в соответствии с которой такая ответственность признается деликтной. Это представляется довольно логичным: в том случае, когда мы сталкиваемся с злоупотреблениями со стороны такого лица, который пользуется корпоративным «щитом», с целью причинить вред контрагентам юридического лица, в таком случае речь идет о внедоговорной ответственности (т.е. корпорация и кредитор находятся в договорных отношениях, а вот участник, прикрывающийся корпоративным щитом и наносящий вред кредитору, не имеет договорной связи с кредитором). Такое положение дел во многом стало следствием заимствования немецкого опыта, где ответственность за «разрушительное вмешательство» в дела корпорации является частным случаем применения деликтных норм¹⁵.

Однако существует серьезная оппозиция этой точке зрения. Так, Д.В. Ломакин и О.Гентовт решительно высказываются против деликтной ответственности контролирующих лиц. Отмечается, что прямое заимствование с немецкого права невозможно, т.к. оно характеризуется

---

¹⁵ Ломакин Д., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. N 1

чрезмерным формализмом, «как следствие этого для Германского гражданского уложения характерны жесткие решения типа «все или ничего»¹⁶. Наличие жестких рамок вынуждает делать выбор исключительно между договором или деликтом, где, разумеется, делается выбор в пользу деликта. Отмечается невозможность отождествления ответственности участников корпорации по ее обязательствам с деликтом, в частности в виду различных оснований наступления ответственности, противоположных презумпций, используемых в каждом из случаев, а также различной правовой природой прав, нарушаемых деликтом и противоправным поведением контролирующих лиц¹⁷.

Этот вопрос не является сугубо догматическим. В зависимости от природы этой ответственности напрямую будут зависеть практические последствия. Например, в случае признания деликтной природы этой ответственности, само по себе причинение вреда будет являться основанием возместить причиненный вред, однако в случае, если лицо докажет, что вред причинен не по его вине, то оно освобождается от возмещения вреда (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Таким образом, на лицо возлагается бремя доказывания отсутствия своей вины. Но в корпоративных правоотношениях установлена презумпция добросовестности, в соответствии с которой предполагается, что лицо не знало или не должно было знать о том факте, которое делает его поведение недобросовестным. Если мы придерживаемся позиции особой природы такой ответственности, то бремя доказывания лежит на истце. Такая позиция представляется более справедливой в практических целях. Как уже было сказано ранее, в данном случае речь идет исключительно о внутренних взаимоотношениях (в отличие от банкротных споров) и стандарт доказывания и даже сам процесс доказывания должны быть более жесткими.

---

¹⁶ Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? // СПС «КонсультантПлюс»

¹⁷ Ломакин Д., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. N 1

Что касается фактически контролирующих лиц, то по поводу их природы ответственности тоже нет единого мнения. По одной из точек зрения можно говорить о наличии фидуциарных обязанностей и в обоснование этой позиции ссылаются на п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, где установлены критерии стандарта поведения лица: действовать «разумно» и «добросовестно»¹⁸.

Это стало следствием слепого перенятия фидуциарной ответственности из стран общего права¹⁹. Наличие фидуциарной связи можно говорить во взаимоотношениях между юридическим лицом и директором, который имеет обязанность лояльно относиться к компании. Корнями такое положение уходит в траст. Например, в Англии долгое время считались доверительными собственниками имущества компании (trustees). Однако спустя время директорам перестали рассматриваться в качестве trustees, но их фидуциарные отношения с корпорацией отрицать не стали²⁰.

По мнению Д.В. Ломакина в российском праве фидуциарной связи как таковой быть не может. Компания и ее единоличный исполнительный орган обладают взаимными правами и обязанностями. Их нарушение приводит к наступлению ответственности и подчеркивается, что такая ответственность не является деликтной. Критерии «разумности» и «добросовестности» являются общеправовыми, и они закрепляют определенный стандарт, свидетельствующий о том, что п. 3 ст. 53.1 все же сформулирован в части критерий как «норма-принцип», а не как фидуциарная обязанность.

Важно отметить, что ответственность за фактический контроль может быть деликтной, в понимании Д.В. Ломакина только в том случае, если между лицом и корпорацией нет корпоративных отношений²¹. Они имеются, когда фактический контроль осуществляется лицом, так или иначе связанным корпоративно по формальным основаниям с юридическим лицом (например,

---

¹⁸ Батыришина К. А. Применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в условиях российского права // Юрист. 2015. № 24.

¹⁹ Ломакин Д.В. Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. N 2

²⁰ French D., Mayson S., Ryan C. Company Law. 31-st Edition 2014–2015. Oxford University Press

²¹ Ломакин Д.В. Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. N 2

участник корпорации), однако если формальных оснований нет и фактический контроль осуществляется третьим лицом, то в таком случае говорить о наличии корпоративных отношений говорить не приходится. Таким образом, приходит к выводу Д.В. Ломакин, что природа гражданско-правовой ответственности будет зависеть от наличия или отсутствия корпоративных отношений, в том случае, если они отсутствуют, то правомерно признавать такую ответственность в качестве деликтной.

Ответственность фактически контролирующих лиц в качестве деликтной рассматривается и Е.А. Сухановым, признавая ее «виновной деликтной ответственностью»²².

Таким образом, в российской доктрине существует определенный компромисс в определении природы ответственности за фактический контроль, чего нельзя сказать о юридическом контроле, где разгораются горячие дискуссии по этому вопросу.

---

²² Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014 // СПС «КонсультантПлюс»

§2. Основания привлечения к гражданско-правовой ответственности

Для привлечения к гражданско-правовой ответственности за противоправные действия лица, осуществляющего фактический контроль, необходимо доказать весь состав правонарушения: противоправность поведения ответчика, вину, наличие и размер понесенных убытков, а также причинно-следственную связь между противоправными действиями лицами и вредом. Недоказанность хотя бы одного элемента состава является основанием для отказа в удовлетворении требований соответствующего иска²³.

Применительно к фактическому контролю должна быть также доказана фактическая возможность определять действия юридического лица, в том числе способность давать обязательные для исполнения указания. При этом важно учитывать степень обязательности таких указаний, для определения истинной подконтрольности. В этой связи возможность давать обязательные указания необходимо отличать от дачи рекомендаций и консультаций, которые не являются обязательными для потенциально подконтрольного лица.

В судебной практике постепенно вырабатываются определенные основания, позволяющие говорить о наличии фактического контроля. Так, в одном из дел суд указал, что о наличии фактического контроля в частности могут свидетельствовать: фактическое участие в руководстве юридическим лицом, принятие таким лицом ключевых решений (например, согласование кандидатур на руководящие должности), осуществление деятельности органов лишь на формальной основе, когда участники и члены органов юридического лица не действуют по своей воле и их воля подавляется контролирующим лицом. Кроме того, суд выявил, что фактический контроль имеет место быть, когда существует использование номинальных лиц для

---

²³ Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114 - 133.

контроля лица в целях сокрытия де-факто контролирующего лица. В качестве таких номинальных лиц могут использовать близкие родственники или иные лица (например, бывшие подчиненные), которые пользуются доверием де-факто контролирующего лица²⁴.

В одном из дел коллегия Верховного Суда РФ также указала совокупность косвенных признаков, позволяющих говорить о наличии группы и подконтрольности ее единому центру и соответственно, свидетельствующее о фактическом контроле: «В частности, об этом могли свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу и т.д.»²⁵.

Интерес представляет также письмо ФНС РФ²⁶, который не имеет нормативного характера и не является обязательным для применения правоприменителем. Но несмотря на это, суды все же активно используют этот акт налогового органа для ориентира. В этом письме подчеркивается, что обстоятельствами, свидетельствующими о наличии фактического контроля могут быть самые различные основания: неформальные личные отношения, длительная совместная служба, совместное обучение и др. Однако такое расширение оснований фактического контроля не представляется разумным, ведь если воспроизводить буквально положения письма, то может так получиться, что фактическим контролем могут обладать совсем сторонние лица, которые никакого отношения на самом деле к организации не имеют. Это осознавал и Верховный суд и уже в Постановлении Пленума от 21.12.2017

---

²⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.10.2021 N 09АП-54308/2021 по делу N А40-153735/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

²⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2020 N 305-ЭС19-24480 по делу N А41-22526/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

²⁶ Письмо ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ "О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ"

г. № 53 в п. 4 указал, что лицо не может быть признано контролирующим должника только на том основании, что оно состояло в отношениях родства или свойства с членами органов должника. Сказанное справедливо и для фактически контролирующих лиц в корпоративном праве. Позиция Верховного Суд довольно обоснована и справедлива: нельзя исходя из конкретных фактов делать вывод о наличии возможности контролировать действия корпорации, важно учитывать всю совокупность имеющихся доказательств. К сожалению, суды пошли по иному пути и напрямую используют письмо ФНС как общую рекомендацию и довольно скупственно используют признаки, выработанные налоговым органом. Так, в Постановлении Арбитражного суд Московского округа можно найти интересный абзац: «При этом, как следует из разъяснений ФНС России, изложенных в письме ... суд может признать лицо КДЛ по любым иным основаниям, которые прямо в законе не указаны. Этими основаниями в частности могут служить, например, любые неформальные личные отношения...»²⁷. К счастью, на данный момент не имеется судебных дел, в которых использовались бы напрямую критерии ФНС в рамках корпоративного спора.

Зачастую с целью скрительства конечного бенефициара недобросовестные участники оборота используют осложненную корпоративную структуру и создают целую цепочку взаимосвязанных юридических лиц, часть из которых выведена в офшоры. В таких случаях не всегда бывает легко доказать наличие фактического контроля. Но суды исходя из фактических обстоятельств устанавливают фактический контроль и в таких ситуациях. Так, в одном из дел физические лица были признаны фактически контролирующими лицами, так как выяснилось, что в рамках этой длинной цепочки большинство юридических лиц являются фиктивными и не осуществляющими как таковой деятельности, а в конце и в начале этой

---

²⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.11.2022 N Ф05-8270/2018 по делу N А40-75222/2017 // СПС «КонсультантПлюс»

цепочки указанные физические лица были либо собственниками юридического лица, либо владели существенной долей в уставном капитале²⁸.

Стоит уточнить тот факт, что во многом эти критерии, выработанные судебной практикой, были определены в рамках банкротных дел, но тем не менее с определенной долей условности их можно использовать в качестве ориентира и при корпоративных спорах (ограничительно, и то не все). На сегодняшний день нет устойчивой судебной практики по привлечению фактически контролирующих к ответственности именно в корпоративном праве. Однако не стоит удивляться такому положению дел. На самом деле ответственность подобных лиц в банкротстве преследует цель удовлетворить притязания кредиторов, когда у должника нет необходимого имущества для удовлетворения этих требований и он фактически перестает существовать. В корпоративном же праве ответственность фактически контролирующих лиц возникает, когда корпорация еще существует и у нее достаточно имущества, для удовлетворения требований кредиторов. Поэтому в корпоративном праве привлечение ответственности представляет собой крайнюю меру, чего нельзя сказать о делах в банкротстве, где в подавляющем большинстве случаев имущества банкрота недостаточно и приходится привлекать по субсидиарной ответственности как формально, так и фактически контролирующих должника лиц.

При установлении фактического контроля речь в том числе может идти про взаимоотношения дочернего и основного общества²⁹. Об этом говорит диспозиция п. 1 ст. 67.3 ГК РФ, в соответствии с которой обществом может быть признано дочерним, если другое (основное) общество имеет возможность иным образом определять решения, принимаемые таким обществом. Не совсем понятно было на тот момент, что значит «иным образом определять решения», хотя в доктрине уже по этому вопросу можно было

---

²⁸ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.08.2020 N 17АП-16798/2018-АК по делу N А50-8722/2017 // СПС «КонсультантПлюс»

²⁹ *Шиткина И.С.* Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. N 7. С. 114 - 133.

встретить точки зрения. Ясность в этом вопросе внес ВС РФ, указав, что фактическая возможность давать такие указания может быть не связана с формальным признаком (например, 50% и более участия в уставном капитале дочернего общества), а обусловлена иными признаками: например, корпоративной структурой группы компаний, степенью участия в управлении обществом со стороны иных участников общества и т.д. (п. 13 Обзора судебной практики)³⁰. В данном случае суд устанавливает открытый перечень возможных признаков, по которым можно было бы судить о наличии возможности иным образом определять решения.

Этот список ВС РФ можно дополнить и другими признаками. Так, подобная возможность у основного общества возникает в связи с наличием косвенного контроля через систему участия в органах, когда основное общество контролирует посредством дочернего общества другое общество. Зачастую так случается, что члены совета директоров, кандидатуры которых предложены одним из участников компании, впоследствии начинают действовать по указаниям и в интересах такого общества. В известном деле Telenor было установлено, что эта компания является акционером ОАО «ВымпелКом». Она обладала полномочиями по назначению 2 членов совета директоров (всего их в компании было 9), при этом сделки «ВымпелКом», направленные на приобретение акций третьих лиц требовали согласия 8 членов совета директоров. Такое косвенное влияние через систему органов управления позволило суду сделать вывод о наличии отношений «основное – дочернее» между этими двумя компаниями³¹. Косвенный контроль может проявляться через косвенное участие в уставном капитале (т.е. участие в уставном капитале компании через третье лицо или их совокупность). В одном из дел суд прямо указал, что косвенное участие в уставном капитале является признаком, непоименованным в ГК РФ и позволяющим установить отношения

---

³⁰ «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) // «КонсультантПлюс»

³¹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 02.03.2009 по делу № А75-2374/2008 // «КонсультантПлюс»

между двумя юридическими лицами как отношения между основным и дочерним обществом³².

Также необходимо рассмотреть в рамках темы правовой статус мажоритарных акционеров. Могут ли они быть признаны фактически контролирующими лицами? Для этого необходимо обратиться к п. 1 ст. 53.1. ГК РФ. Норма перечисляет круг лиц, к которым применяется стандарт добросовестности и разумности: лицо, в силу закона, иного правового акта или учредительного документа уполномочено выступать от имени юридического лица. Это основания для признания юридического контроля. Однако мажоритарные акционеры больше подходят под п. 3 ст. 53.1. ГК РФ. При этом необходимо понимать, что большинства голосов на общем собрании акционеров не всегда достаточно для признания такого лица фактически контролирующим лицом. Важным фактором является также наличие и использование контрольного пакета акций, а также возможности определения стратегических решений компании. Примечательно, что в Законе о банкротстве мажоритарные акционеры, имеющие право самостоятельно распоряжаться 50% и более процентами голосующих акций, признаются контролирующими должника лицом, пока не доказано иное (т.е. используется опровержимая презумция).

---

³² Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.06.2012 по делу № А70-7811/2011 // СПС «КонсультантПлюс»

§3. Доктрина «снятия корпоративной вуали» и привлечение к ответственности фактически контролирующих лиц

Доктрина «снятия корпоративной вуали» появилась впервые в странах англосаксонской правовой семьи. Как уже было отмечено ранее, исторической особенностью юридических лиц является такой признак, как самостоятельность. Иными словами, юридическое лицо несло ответственность по своим обязательствам самостоятельно, а имущество же ее участников и учредителей не использовалось для удовлетворения интересов кредиторов корпорации. Абсолютизация этого признака произошла в конце XIX в. после дела, рассмотренного палатой лордов³³. Однако спустя некоторое время все же пришло осознание, что абсолютизация этого принципа неприемлема и может привести к многочисленным злоупотреблениям со стороны участников гражданского оборота. Необходимо было придумать механизм, ограничивающий самостоятельность юридических лиц. Одним из таких ограничителей выступает доктрина «снятия корпоративной вуали».

Впервые обоснование этой концепции было предложено в 1912 г.³⁴ Позже выработались критерии на основе судебной практики. Среди них можно выделить следующие: воля юридического лица находится под абсолютным влиянием воли другого; юридическое лицо становится продолжением такого участника / вторым «я» (*alter ego*) контролирующего участника; такой субъект стремиться извлечь собственную выгоду из своего недобросовестного поведения³⁵.

На первый взгляд кажется, что это достаточные абстрактные критерии. Более того, эти критерии выведены в первой половине XX в. американской доктриной и судебной практикой и вообще не имеют никакого отношения к российскому правопорядку. Однако не стоит считать, что судебная практика

---

³³ См. выше: глава 1 §1 Настоящей работы

³⁴ *Bainbridge S.M.* Op. cit. P. 49.

³⁵ *Ломакин Д.В.* Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. N 1. С. 93 - 110

не использует передовые доктринальные разработки. Так, в одном из дел Судебная коллегия ВС РФ указала, что участник корпорации или иное контролирующее лицо может быть привлечено к ответственности по обязательствам юридического лица, «которое в действительности оказалось не более чем их «продолжением» (alter ego), в частности, когда таких лицом допущено нарушение принципа обособленности имущества юридического лица, приводящее к смешению имущества участника и общества... если это создало условия, при которых осуществление расчетов с кредитором стало невозможным»³⁶. В данном случае этот признак описан судом больше для рядового участника, претендующего на статус контролирующего лица, однако формулировка «иное контролирующее лицо» позволяет сделать вывод, что речь может идти в том числе о таком лице, который не связан с корпорацией по формальным признакам и его контроль можно вывести исходя из фактических обстоятельств дела.

Подводя промежуточный итог, стоит признать тот факт, что даже в странах англо-саксонской правовой семьи доктрина «снятия корпоративных покровов» рассматривается в качестве исключения и применяется в отдельных случаях.

Другой проблемной точкой зрения является соотношение этой концепции с привлечением фактических контролирующих лиц. Можно ли их рассматривать как общее и частное или все же речь идет о двух отдельных и самостоятельных институтах / концепциях, которые не стоит отождествлять? Существует точка зрения, в соответствии с которой привлечение фактических контролирующих лиц рассматривается как частный случай «снятия корпоративной вуали»³⁷. Однако против такого подхода выступает Ломакин Д.В., который разграничивает эти две ситуации. Одним из критериев разграничения является критерий интереса: в зависимости от того, чей интерес

---

³⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2023 N 304-ЭС21-18637 по делу N А03-6737/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

³⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.

мы защищаем, будет и зависеть конечный выбор. Так, применение названной доктрины происходит в целях удовлетворения кредиторов юридического лица, чей «корпоративный щит» был использован недобросовестными лицами в противоправных целях³⁸, т.е. в рамках концепции иски могут подавать кредиторы. Это некоторый аналог ст. 67.3 ГК РФ, когда по иску кредиторов дочерней компании можно запустить механизм привлечения основного общества к солидарной ответственности. Соответственно привлечение к ответственности за фактический контроль возможно в интересах самого юридического лица или его участников. Важно понимать, что надлежащие истцы в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ не указаны, однако их можно вывести по аналогии с п. 1 ст. 53 ГК РФ и надлежащими истцами следует считать участников юридического лица и саму корпорацию.

Представляется все же более обоснованным рассматривать соотношение привлечения к ответственности за фактический контроль и концепцию «снятия корпоративных покровов» как соотношение частного и общего. Во-первых, на это указывает сравнительно-правовой анализ: в странах, где данная концепция непосредственно зарождалась, принято считать, что привлечение к ответственности теневого директора - это один из способов снятия тех самых корпоративных покровов. Аналогом теневого директорства в российском корпоративном праве является институт фактического контроля (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ)³⁹. Кроме того, эта точка зрения поддерживается другими специалистами в области корпоративного права. Так, в одной из работ выделяют группы наиболее частых обстоятельств «снятия корпоративных покровов»: это субсидиарная ответственность и ответственность основного общества по долгам дочерней⁴⁰. Нас интересует первая группа случаев. Меры субсидиарной ответственности могут применяться как в отношении лиц,

---

³⁸ Ломакин Д.В. Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. N 2

³⁹ Копылов Д.Г. Де-юре, де-факто и теневые директора в законодательстве и судебной практике Великобритании и России // Закон. 2019. N 4. С. 196 - 207

⁴⁰ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина "снятия корпоративного покрыва" как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. N 1. С. 31 - 73.

являющихся контролирующими по формальным признакам (юридический контроль), так и в лиц, которые контролируют корпорацию по фактическим признакам (фактический контроль). Таким образом, авторы данной работы относят привлечение к ответственности фактически контролирующего лица к случаю «снятия корпоративных вуалей». Шиткина И.С. также подчеркивает, что в российском правовом порядке доктрина «снятия корпоративных покровов» может использоваться в нескольких институтах: 1) привлечение основного общества к ответственности по долгам дочернего; 2) при привлечении к ответственности теневых директоров⁴¹.

Во-вторых, следует исходить из сущностного критерия: и одно, и другое представляют собой исключение из действия принципа независимости юридического лица и являются ограничением принципа самостоятельности.

Действительно стоит согласиться с тем, что иски по п. 3 ст. 53.1 ГК РФ подаются либо юридическим лицом, либо его участниками, а по ст. 67.3 ГК РФ – кредиторами дочерней компании. Однако если рассматривать интерес в широком смысле, то и в первом, и во втором случаях можно найти интерес кредиторов. Например, если фактически контролирующее лицо совершает умышленные действия и за счет корпоративной структуры извлекает выгоду из недобросовестного поведения, то само юридическое лицо или его участники могут подать иск о возмещении убытков. Такой иск в том числе направлен на то, чтобы восстановить имущественное положение корпорации, существовавшее до указанных действий и соответственно на восстановление способности юридического лица надлежащее исполнить свои обязательства перед кредиторами. Иначе говоря, хотя кредиторы не подают иск непосредственно, но их интерес (пусть и косвенный) в привлечении фактически контролирующего лица отрицать нельзя.

Таким образом, можно прийти к выводу, что все-таки наиболее целесообразно рассматривать привлечение к ответственности фактически

---

⁴¹ Интервью с доктором юридических наук, профессором, руководителем магистерской программы "Корпоративное право" МГУ имени М.В. Ломоносова Ириной Сергеевной Шиткиной // Юрист. 2012. N 17. С. 3 - 12.

контролирующих лиц как одно из проявлений концепции «снятия корпоративных покровов», т.е. ее частный случай.

Заключение

Подводя итоги этой работы, можно сказать, что нам удалось достичь поставленных целей и задач. Сущность контроля рассматривается в разных плоскостях в странах англо-саксонской правовой семьи и континентальной. В соответствии с англо-американским подходом контроль рассматривается как существенный элемент самого процесса управления. Эта точка зрения сейчас получает все большее распространение на континенте, и Россия не является исключением.

В виду того, что институт фактического контроля более разработан в банкротном законодательстве, возникает желание напрямую применять признаки, выработанные нормативно и судебной практикой на корпоративные споры. В таком заимствовании нет ничего плохого, особенно учитывая, что этот институт в корпоративном праве появился относительно недавно и очень редко применяется, но все же необходимо помнить о существенных различиях двух систем законодательства. Различается стандарт доказывания и защищаемый интерес. Поэтому наработки из банкротных споров следует использовать ограниченно.

Анализируя природу ответственности за фактический контроль, мы пришли к выводу, что горячие дискуссии разгораются между определением правовой природы юридического контроля, однако при определении природы фактического контроля имеется некоторый компромисс: большинство исследователей относят такую ответственность к деликтной.

Важным являлся вопрос, касающийся оснований ответственности фактически контролирующих лиц. В силу того, что нормативно не закреплены признаки, свидетельствующие о фактическом контроле (в этом и нет необходимости, в противном случае такой контроль из фактического превратился бы в юридический), такие признаки выводятся исходя из судебной практики. В работе это можно увидеть на примере некоторых судебных решений.

Наконец, институт привлечения фактически контролирующих лиц сравнивался с концепцией «снятия корпоративных покровов». Приведена аргументация, в пользу того подхода, рассматривающего эти явления как соотношение общего и частного.

Библиография

I. Список нормативно-правовых источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Российская газета», N 238-239, 08.12.1994.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 07.10.2022, с изм. от 19.12.2022) "Об акционерных обществах" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, N 1, ст. 1.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Российская газета», N 30, 17.02.1998.
5. Федеральный закон от 05.05.2014 N 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 12.05.2014, N 19, ст. 2304.
6. * Письмо ФНС России от 16.08.2017 N СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».
7. * «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».

II. Список судебной практики

8. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N1 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение ВАС РФ от 29.04.2013 N ВАС-11134/12 по делу N А60-1260/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда РФ от 21.11.2016 N 309-ЭС15-16869(4) по делу N А60-34628/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 N 305-ЭС16-18600(5-8) по делу N А40-51687/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2020 N 305-ЭС19-24480 по делу N А41-22526/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2023 N 304-ЭС21-18637 по делу N А03-6737/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.04.2019 № Ф04-371/2019 по делу № А46-9620/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.11.2022 N Ф05-8270/2018 по делу N А40-75222/2017 // СПС «КонсультантПлюс»
16. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 02.03.2009 по делу № А75-2374/2008 // «КонсультантПлюс».
17. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.08.2020 N 17АП-16798/2018-АК по делу N А50-8722/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.10.2021 N 09АП-54308/2021 по делу N А40-153735/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

III. Список использованной литературы

19. *Батыршина К. А.* Применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в условиях российского права // Юрист. 2015. № 24.
20. *Буракова К.В.* Синергия и диссонанс института контролирующего лица в законодательстве о банкротстве и института фактически контролирующего лица в корпоративном праве // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2020. N 2. С. 19 – 26.
21. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.
22. *Егоров А.В., Усачева К.А.* Доктрина "снятия корпоративного покрыва" как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. N 1. С. 31 - 73.
23. Интервью с доктором юридических наук, профессором, руководителем магистерской программы "Корпоративное право" МГУ имени М.В. Ломоносова Ириной Сергеевной Шиткиной // Юрист. 2012. N 17. С. 3 - 12.
24. *Копылов Д.Г.* Де-юре, де-факто и теневые директора в законодательстве и судебной практике Великобритании и России // Закон. 2019. N 4. С. 196 – 207.
25. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. Т. 2.
26. *Коциоль Х.* Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? // СПС «КонсультантПлюс».
27. *Ломакин Д.В.* Акционерное правоотношение. – М.: Спарк, 1997. С. 136-137.
28. *Ломакин Д.В.* Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. N 2.

29. *Ломакин Д., Генцовт О.* Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // *Хозяйство и право.* 2016. N 1.
30. *Ломакин Д.В.* Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // *Вестник гражданского права.* 2020. N 1. С. 93 - 110.
31. *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014 // СПС «КонсультантПлюс».
32. *Шиткина И.С.* Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // *Закон.* 2018. N 7. С. 114 – 133.
33. *Хонт К.* Европейская система корпоративного управления после дела Энрон // *Корпоративный юрист.* 2005. № 1.
34. *Bainbridge S.M.* Op. cit. P. 49.
35. *Salomon v. A. Salomon and Co Ltd* [1897] AC 22.
36. *French D., Mayson S., Ryan C.* *Company Law.* 31-st Edition 2014–2015. Oxford University Press.